

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ЮЛЬ, 1906 Г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОРЕНБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

РЕЖДЕ чѣмъ я коснусь событій, совершившихся въ шестидесятихъ годахъ, какъ во всей Россіи, такъ и въ Оренбургскомъ краѣ и, слѣдовательно, имѣющихъ историческій интересъ, долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ. Въ 1862 г., будучи офицеромъ арміи и занимая должность репетитора французскаго языка въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, я женился на дочери оренбургскаго дворянина Соболева, Ольгѣ Ѳеодоровнѣ. Мать моей жены, Любовь Львовна Соболева, была родной сестрой жены покойнаго писателя, Владимира Ивановича Даля, которому жена моя приходилась родной племянницей. Родители моей жены были землевладѣльцами въ двухъ уѣздахъ: Оренбургскомъ, той же губерніи, и въ Барскомъ—Уфимской губерніи. Наступила горячая пора освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и мы, молодежь, мечтали о созиданіи новаго земледѣльческаго труда для свободнаго отъ крѣпостной зависимости народа. Воля всѣмъ вскружила головы, и всѣмъ хотѣлось испробовать свои силы и слиться въ единое цѣлое съ земледѣльцами. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Подъ вліяніемъ наплыва новыхъ идей, я черезъ годъ послѣ свадьбы вышелъ въ отставку и уѣхалъ вмѣстѣ съ молодой женой въ имѣніе тестя моего Соболева, за 120 верстъ отъ Оренбурга, въ село Тепловку,

лежавшее въ сосѣдствѣ съ башкирскими землями и богатымъ имѣніемъ землевладѣльца З—скаго. Про него рассказывали, будто бы онъ былъ женатъ на двухъ родныхъ сестрахъ, и, чтобы не быть разведеннымъ со второй женой, мать ея принуждена была принять очистительную присягу въ томъ, что его вторая жена приходилась ей не родной дочерью, а приемышемъ. Самъ З—скій слылъ въ Оренбургѣ за большого чудака, хотя и былъ очень уменъ. Онъ выгодно пристроилъ замужъ всѣхъ своихъ четырехъ дочерей за людей, занимавшихъ видныя должности въ Оренбургскомъ краѣ, но ловко провелъ всѣхъ своихъ трехъ зятьевъ, давъ въ приданое за дочерьми очень небольшую часть обѣщаннаго, и только четвертаго зятя ему не удалось провести, и тотъ его перехитрилъ. Такъ же, какъ и раньше тремъ зятьямъ, онъ обѣщалъ четвертому зятю, что выдастъ ему 25 тысячъ рублей послѣ вѣнца; будущій зять ничего на это не сказалъ, зная изъ прошлыхъ примѣровъ, что получить очень небольшую сумму денегъ, а потому прибѣгнувъ къ слѣдующей хитрости: въ день вѣнчанія, когда ему нужно уже было ѣхать въ церковь, онъ преспокойно усѣлся въ своей квартирѣ въ халатѣ въ мягкое кресло, выжидая дальнѣйшихъ событій. Между тѣмъ въ церкви все уже было готово къ вѣнчанію, и когда шафера пріѣхали къ жениху, то пришли въ ужасъ, увидавъ, что онъ даже и не думаетъ одѣваться. При этомъ женихъ просилъ ихъ передать будущему тестю, что до тѣхъ поръ не поѣдетъ въ церковь, пока не получитъ обѣщанныхъ отцемъ невѣсты 25 тысячъ рублей. Когда шафера доложили объ этомъ старику, то онъ пришелъ въ страшное бѣшенство, а потомъ сталъ торговаться съ будущимъ зятемъ, предлагая то 10, то 15, то 20 тысячъ рублей, но женихъ оказался кремнемъ и, ссылаясь на то, что не желаетъ уступить ни одной копейки изъ женина капитала, настоялъ на своемъ, и, только получивъ полностью всѣ 25 тысячъ рублей, одѣлся и поѣхалъ къ вѣнцу.

Землевладѣлецъ Соболевъ, на дочери котораго я женился, любилъ деревню до страсти и, живя въ ней круглый годъ, вложилъ въ хозяйство всю свою душу и не жалѣлъ своихъ трудовъ для земли. Занимаясь хозяйствомъ въ своемъ и жениномъ имѣніи, онъ находилъ еще свободное время, чтобы въ качествѣ опекуна управлять лѣсной Каноникольской дачей, заключавшей въ себѣ 120 тысячъ десятинъ строевого лѣса, и когда владѣлецъ этой дачи, камеръ-юнкеръ Александръ Петровичъ Загряжскій, встрѣтилъ однажды затрудненіе въ деньгахъ, то тестъ мой выгналъ ему изъ пней чистаго дегтю на 40 тысячъ рублей и отослалъ ему эти деньги въ Петербургъ. Другое помѣстье, которымъ управлялъ тестъ мой, было имѣніе Николая Егоровича Тимашева, родного брата бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Александра Егоровича Тимашева.

Со смертью оренбургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта А. А. Катенина, мѣсто его къ 1859 г. занялъ генераль-адъютантъ, Александръ Павловичъ Безакъ. А. А. Катенинъ, человѣкъ свѣтскій и придворный, и притомъ очень добраго сердца, сумѣлъ соединить въ одно цѣлое все оренбургское общество. На его вторникахъ собирался весь чиновный Оренбургъ и все офицерство казачьяго войска. Годы этой жизни были самые оживленные и самые веселые. Супруга А. А. Катенина, урожденная Вадковская, была очень милая и любезная хозяйка, очаровывавшая всѣхъ гостей своимъ ласковымъ приѣмомъ и любезностью. Со вступленіемъ въ должность генераль-губернатора Александра Павловича Безака общественная жизнь въ Оренбургѣ совершенно измѣнилась, и еженедѣльные дружескіе вечера замѣнились только официальными приемами и балами въ высокаторжественные дни. А. П. Безакъ, человѣкъ мелочной и скупой, погрузился весь въ письменныя дѣла, задавшись исключительно идеей гражданскаго благоустройства обширнаго Оренбургскаго края.

И въ самомъ дѣлѣ, на долю его пало разрѣшеніе многотрудныхъ земельныхъ споровъ въ этомъ краѣ.

Освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне не ослѣли еще въ то время на земляхъ и отказывались принимать надѣлъ у помѣщиковъ, а помѣщики въ овою очередь предпочитали наличныя деньги выкупнымъ свидѣтельствамъ, уступая охотнѣе свои земли переселенцамъ, нежели своимъ бывшимъ крѣпостнымъ. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ росло переселенческое движеніе крестьянъ и общее шатаніе, а въ особенности искательства ходоковъ, которые охотно шли въ Башкирію, въ степь и даже въ глубь Сибири, въ надеждѣ найти свободныя для переселенія мѣста.

Какъ сейчасъ, помню слѣдующій типичный случай въ области переселенческаго движенія: ходоки крестьянъ одной изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній прибыли въ Оренбургскую губернію и, узнавъ, что есть свободная земля на участкѣ землевладѣльца Шихобалова, оповѣстили о томъ своихъ односельчанъ и, взявъ съ нихъ за свою находку приличную сумму въ вознагражденіе, начали водворять ихъ на этомъ участкѣ, завели дворы и стали распахивать подъ посѣвы хлѣба по 30 и болѣе десятинъ на душу, а также вмѣстѣ съ переселенцами стали производить самовольную рубку лѣса.

Такимъ образомъ на Шихобаловскомъ участкѣ возникъ цѣлый поселокъ, въ которомъ насчитывалось болѣе 50 дворовъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, пока самъ владѣлецъ Шихобаловъ проживалъ за границей. Но вотъ онъ вернулся въ Россію и былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ на своей землѣ цѣлый поселокъ водворившихся на ней безъ всякихъ земельныхъ правъ переселенцевъ. Возникло дѣло о самовольномъ захватѣ Шихобаловскаго

участка, и въ одинъ печальный день всѣхъ этихъ переселенцевъ выдворили при помощи уѣздной полиціи съ занятыхъ ими мѣстъ и препроводили въ Оренбургскую губернскую тюрьму. Ходоковъ и переселенцевъ разсадили по казематамъ, а нѣсколько десятковъ бабъ съ ребятишками стали жить около наружной тюремной стѣны, оставаясь на возахъ, запряженныхъ тощими лошаденками, которыхъ кормили купленными на базарѣ на послѣдніе гроши охапками сѣна. Плачь бабъ и ребятишекъ привлекалъ къ стѣнамъ острога сердобольную публику, которая подавала подаваніе женщинамъ и дѣтямъ деньгами и хлѣбомъ и покупала сѣно голодавшимъ мужицкимъ лошадямъ. Пока шелъ судъ, несчастные кочевники изнывали около острожной стѣны отъ холода и душевныхъ мукъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что ходоковъ, которые ввели въ обманъ крестьянъ, совершивъ подлогъ въ видѣ фальшивой дарственной записи, сослали въ Сибирь, а разоренныхъ крестьянъ-переселенцевъ препроводили обратно на родину.

Къ числу гражданскихъ реформъ, совершившихся въ шестидесятыхъ годахъ во время управленія Оренбургскимъ краемъ А. П. Безака, слѣдуетъ отнести и введеніе новаго положенія среди оренбургскихъ киргизъ, расширившаго права этихъ инородцевъ въ выборѣ должностныхъ лицъ, охраняющихъ интересы кочевниковъ на болѣе законной почвѣ, нежели тѣ вѣковыя традиціи, которыя были основаны больше на обычаяхъ и привычкахъ. Къ несчастью, султаны-правители, киргизскіе старшины и вообще люди, близко стоявшіе въ то время къ киргизамъ, были плохо ознакомлены съ русскою грамотою и ложнымъ толкованіемъ новаго положенія вызвали среди киргизъ волненія и безпорядки, едва не окончившіеся убійствомъ чиновника оренбургскаго областного правленія, командированнаго въ степь для введенія новаго положенія. Пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ, и во многіе аулы были посланы военныя команды. Безпорядки эти, однако, были вскорѣ прекращены, при чемъ вмѣсто оружія были пущены въ ходъ только розги, и одни лишь киргизы, оказавшіе открытое сопротивленіе властямъ, были сосланы на поселеніе. Вообще эти безпорядки не вызвали никакихъ осложненій въ администраціи края.

Въ 1862 г. прибыли въ Оренбургъ три итальянца: Меацъ, Гаваци и графъ Литта, прося разрѣшенія оренбургскаго генералъ-губернатора отправиться въ степь съ тѣмъ, чтобы пробраться въ Бухару, гдѣ въ виду открывшейся въ Италіи болѣзни на шелковичнаго червя они замыслили устроить свою филатуру и обучить бухарцевъ усовершенствованному методу воспитанія шелковичнаго червя и разведенія коконовъ, прося при этомъ А. П. Безака дать имъ для проѣзда въ Бухару конвой изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ конныхъ казаковъ. Но А. П. Безакъ, принявъ очень любезно итальянцевъ, прекрасно изъяснявшихся по-французски,

сообщилъ имъ, что не имѣетъ ничего противъ ихъ поѣздки въ степь, но не считаетъ себя въ правѣ дать имъ конвой изъ казаковъ, такъ какъ на это надо испросить высочайшее разрѣшеніе, и такая посылка можетъ имѣть характеръ военной миссіи, на которую онъ правительствомъ не уполномоченъ, а что если они не боятся, то могутъ ѣхать на свой страхъ даже и въ Бухару, но самъ онъ этого плана не одобряетъ, потому что, зная коварство и вѣроломство азіатовъ, не можетъ ручаться за то, что бухарцы выпустятъ ихъ живыми изъ своихъ владѣній. Несмотря на такое предупрежденіе, Меацъ, Гавацци и графъ Литта, взявъ себѣ проводника-киргиза, ходившаго нѣсколько разъ съ караванами въ Бухару, рѣшили все-таки попытаться счастье, тѣмъ болѣе, что, по словамъ ихъ, вслѣдствіе господствовавшей въ томъ году болѣзни на шелковичнаго червя, они испытывали сильный недостатокъ въ коконахъ, и во многихъ мѣстахъ Италіи шелководство стало приходить въ упадокъ.

Такимъ образомъ въ первыхъ числахъ мая того же года Меацъ, Гавацци и графъ Литта выѣхали изъ Оренбурга въ двухъ дорожныхъ тарантасахъ, запряженныхъ каждыи тройкою лошадей, при чемъ при нихъ находился проводникъ-киргизъ. Итальянцы имѣли при себѣ запасъ коконовъ и шелковичнаго червя въ разныхъ періодахъ его развитія, а также все необходимое для устройства образцовой филатуры. Они имѣли также хорошо снабженные фотографическіе аппараты и всевозможные заграничные консервы для путевого продовольствія. Будучи вооружены револьверами и стилетами, они не опасались случайныхъ нападеній въ пути, тѣмъ болѣе, что двое изъ нихъ обладали большою физическою силою. Раннею весною жары не наступаютъ еще въ степи, и погода стояла прелестная. Наши путешественники благополучно прослѣдовали черезъ Каракумскіе пески, нигдѣ не встрѣчая препятствій на пути своего слѣдованія, но, когда, они достигли границъ Бухарскаго ханства, на одной изъ остановокъ проводникъ ихъ, киргизъ, неожиданно скрылся, успѣвъ при этомъ захватить не только свое имущество, но даже и верхнее платье одного изъ итальянцевъ. Будучи хорошо вооружены, Меацъ, Гавацци и графъ Литта рѣшились продолжать путь въ Бухару и осуществить въ ней надежды и планы задуманнаго ими далекаго путешествія. Въ одинъ прекрасный лѣтній день, присоединившись къ небольшому русскому каравану, слѣдовавшему изъ города Троицка Оренбургской губерніи, они выѣхали въ городъ Бухару, столицу бухарскаго эмира. Еще дорогою итальянцы сняли свое европейское платье и явились въ костюмахъ персіанъ, не скрывая, однако, своей національности и объявляя, что прожили нѣкоторое время въ Персіи, и дѣйствительно они очень свободно изъяснялись на персидскомъ языкѣ. Но въ Бухарѣ этотъ языкъ былъ мало понятенъ придворнымъ эмира, въ числѣ которыхъ было не много образованныхъ людей, а потому итальянцамъ

пришлось изучать мѣстное нарѣчіе. Выучившись нѣсколько изъясняться по-бухарски, наши три иностранца стали хлопотать о томъ, чтобы имъ разрѣшено было представиться эмиру. Прождавъ недѣлю; они наконецъ удостоились чести предстать передъ свѣтлыя очи повелителя Бухары. Въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія русское правительство не имѣло еще своего представителя въ Бухарѣ, и вообще изъ русскихъ никто еще не проживалъ постоянно въ Бухарѣ. Съ караванами приходили русскіе приказчики, представители крупныхъ оренбургскихъ торговцевъ, которые вели торгъ съ Азіей, а именно приказчики: Дѣвыхъ, Мякинковыхъ, Ключаревыхъ и Дюковыхъ. Но приказчики эти не заживались въ Бухарѣ долѣе двухъ-трехъ дней и, сдавъ товары, получивъ деньги и навьючивъ верблюдовъ канаусами и сушеными фруктами, а подчасъ и хлопкомъ, спѣшили вернуться обратно въ Оренбургъ или въ Троицкъ, а потому итальянцы, прибывъ въ Бухару, не могли ни въ какомъ случаѣ разсчитывать, если бы имъ оказаны были притѣсненія, на какую либо помощь мѣстныхъ властей. При приѣмѣ итальянцевъ бухарскій эмиръ выразилъ черезъ переводчика, нѣсколько знакомаго съ персидскимъ языкомъ, свое удовольствіе по поводу прибытія въ его страну просвѣщенныхъ иностранцевъ и надежду, что они принесутъ пользу своему и его государству. Довѣріе къ итальянцамъ замѣтно возросло послѣ любезнаго и, повидимому, ласковаго приѣма, оказаннаго имъ эмиромъ. Пользуясь благопріятной минутой дружескаго къ нимъ отношенія мѣстнаго населенія, Меацъ, Гаваци и графъ Литта устроили въ Бухарѣ образцовую филаттуру и стали обучать бухарцевъ-шелководовъ вѣмъ приемамъ воспитанія и выхаживанія шелковичнаго червя, который раньше того воспитывался примитивнымъ способомъ при помощи животной теплоты, при чемъ женщины выхаживали коконы,нося ихъ теплоты ради между грудями. Въ часы досуга, чтобы позабавить бухарцевъ, итальянцы пускали въ ходъ свои фотографическіе аппараты и снимали карточки и поясные портреты съ самихъ бухарцевъ, ихъ женъ и дѣтей. Эта забава, доставляя удовольствіе бухарцамъ, въ то же время возбудила среди мѣстнаго населенія и недовѣріе къ иностранцамъ. Это недовѣріе еще сильнѣе возросло, когда итальянцы, не довольствуясь фотографическими снимками съ знакомыхъ имъ бухарцевъ, принадлежавшихъ къ разнымъ классамъ народа, и составивъ изъ этихъ снимковъ интересную коллекцію, принялись фотографировать виды Бухары и ея окрестностей. Приближенные эмира тотчасъ же донесли ему, что, безъ сомнѣнія, иностранцы—не кто иные, какъ шпіоны, имѣющіе цѣлью составить подробные планы и карты Бухарскаго ханства, съ тѣмъ, чтобы представить ихъ своему королю и завоевать все ханство или предать его въ руки русскаго правительства.

Такое нелѣпое предположеніе возникло на основаніи повѣрія,

укоренившася въ народѣ, что Бухара сдѣлается достояніемъ иностранцевъ въ тотъ день, когда будутъ срисованы и нанесены на бумагу всѣ ея города и жилия мѣста. Долго эмиръ не сдавался на просьбы своихъ министровъ, но наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года подписалъ указъ объ арестованіи живущихъ въ его предѣлахъ трехъ итальянцевъ, какъ государственныхъ преступниковъ, посягающихъ на цѣлость и независимость Бухары.

Вѣсть объ арестѣ Гаваца, Меаца и графа Литта получилась въ Оренбургѣ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія ихъ въ тюрьму и притомъ дошла не официальнымъ порядкомъ, а частнымъ путемъ, черезъ приказчиковъ торговаго дома Ключаревыхъ. Потомственный почетный гражданинъ Семенъ Яковлевичъ Ключаревъ, не разъ ходившій съ караванами въ Хиву и въ Бухару и освободившій немало русскихъ изъ хивинскаго плѣна еще во времена перваго управленія Оренбургскимъ краемъ В. Х. Перовскаго, явился и теперь первымъ къ генералъ-губернатору А. П. Безаку и сообщилъ ему объ арестѣ и заключеніи въ тюрьму трехъ итальянцевъ-шелководовъ.

Какъ только А. П. Безакъ получилъ черезъ С. Я. Ключарева увѣдомленіе о задержаніи и заключеніи въ тюрьму въ Бухарѣ итальянцевъ, тотчасъ же сдѣлалъ, согласно высочайше предоставленныхъ ему особыхъ правъ, распоряженіе о секвестрированіи имущества и воспрещеніи торговли всѣмъ проживающимъ въ Оренбургѣ по коммерческимъ дѣламъ подданнымъ бухарскаго эмира. По свѣдѣніямъ городской полиціи и городского управленія, ихъ насчитывалось въ то время болѣе тысячи человекъ, при чемъ многіе изъ нихъ имѣли свои дома въ Оренбургѣ и свои лавки на Гостиномъ и на Мѣновомъ дворахъ. Тѣ же изъ нихъ, которые оказали сопротивленіе властямъ, были арестованы и отправлены въ Оренбургскій тюремный замокъ. Для этихъ арестованныхъ было отведено особое помѣщеніе съ отдѣльнымъ дворомъ, носившее наименованіе азіатскаго каземата, въ которомъ все было приспособлено къ обиходу азіатскихъ народовъ.

Арестованные бухарцы не на шутку испугались, при чемъ среди нихъ циркулировалъ слухъ, что имъ угрожаетъ смертная казнь въ томъ случаѣ, если бухарскій эмиръ рѣшится лишить жизни трехъ итальянскихъ туристовъ шелководовъ.

Въ виду такого печальнаго положенія, арестованные бухарцы просили начальство прислать имъ въ тюрьму ахуна оренбургской соборной мечети для молитвословія въ виду наступавшей грозы, а также, чтобы посовѣтоваться съ ахуномъ, что имъ слѣдуетъ предпринять, чтобы получить желаемую свободу.

По прибытіи въ тюрьму, ахунъ совершилъ моленіе, а потомъ сочинилъ имъ коллективное прошеніе на имя эмира Бухары, въ которомъ и просилъ его, чтобы онъ освободилъ трехъ арестован-

ныхъ имъ итальянцевъ и дозволилъ бы имъ вернуться на родину такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ, бухарскимъ подданнымъ, заключеннымъ въ тюрьму за сопротивление властямъ, угрожаетъ не только лишеніе всего имущества, но даже и лишеніе жизни.

Это коллективное прошеніе было подписано всѣми бухарскими подданными, проживавшими въ тѣ времена въ Оренбургѣ, а неграмотные приложили къ нему свою тамгу (печать въ видѣ условнаго знака). Прошеніе было скрѣплено подписью и печатью соборнаго ахуна и вручено одному изъ вѣрныхъ киргизъ, джигиту, который въ видѣ летучки долженъ былъ день и ночь скакать въ Бухару, мѣняя лошадей въ каждомъ попутномъ аулѣ. На случай болѣзни этого посыльнаго джигита аульный старшина обязывался выбрать другого вѣрнаго киргиза для доставленія прошенія до мѣста назначенія.

Несмотря на отсылку надежнаго киргиза-джигита въ Бухару, проживавшіе въ Оренбургѣ подданные эмира жили подъ страхомъ смертной казни, и многіе изъ нихъ отказывались отъ пищи, проводя большую часть времени въ молитвѣ, и нерѣдко офицеры, стоявшіе въ караулѣ, слышали въ азіатскомъ казематѣ плачъ и воздыханія. Бухарскія лавки на азіатскомъ Гостиномъ и Мѣновомъ дворахъ, представлявшія собою въ обыкновенное время ярмарочный торгъ, были теперь закрыты и запечатаны и охранялись часовыми.

Татары, торговавшіе съ степью, рассказывали, что джигиту, посланному съ прошеніемъ къ эмиру, киргизы въ каждомъ аулѣ давали бесплатно самыхъ лучшихъ лошадей, кормили досыта джигита, а ночью привязывали къ сѣдлу веревками, чтобы онъ задремавъ не свалился. Не могу припомнить въ точности, во сколько дней джигитъ домчался до Бухары. Слышно было только, что, пріѣхавъ въ Бухару, онъ не могъ безъ посторонней помощи слѣзть съ лошади, а его сняли, и черезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ его отсылки Меацъ, Гаваци и графъ Литта вѣзжали уже въ Оренбургъ и, остановившись въ номерахъ одной изъ лучшихъ гостиницъ, явились въ тотъ же день къ Безаку, и вечеромъ того же дня заключеннымъ въ оренбургскую тюрьму бухарцамъ была возвращена свобода, секвестръ надъ имуществомъ бухарцевъ былъ снятъ, и многіе изъ нихъ на другой же день выѣхали изъ Оренбурга, кто въ Москву и въ Нижній, а кто и на родину.

Я очень интересовался пребываніемъ итальянцевъ въ плѣну у бухарцевъ и по пріѣздѣ ихъ поспѣшилъ отправиться къ брату Гаваци, у котораго былъ въ Оренбургѣ магазинъ шелковыхъ издѣлій подъ фирмою «Ліонскаго магазина».

Гаваци познакомилъ меня съ своимъ братомъ и его товарищами, и вотъ приблизительно, въ какихъ выраженіяхъ Гаваци пе-

редалъ мнѣ рассказъ объ одиннадцати-мѣсячномъ ихъ заключеніи въ бухарскомъ клоповникѣ.

«Мы прибыли благополучно въ Бухару въ первыхъ числахъ іюня, пробывъ довольно долго въ дорогѣ, такъ какъ, лишившись своего проводника, бѣжавшаго отъ насъ и похитившаго часть нашего имущества, мы старались найти попутчика изъ русскихъ, торговавшихъ въ Бухарѣ, но, не отыскавъ такого, вынуждены были присоединиться къ каравану, который везъ въ Бухару чугуны, котлы, желѣзныя издѣлія и мѣшки съ русскою мелкою серебряною монетою, такъ какъ русскія деньги въ большомъ ходу въ Бухарѣ.

«Начальникомъ каравана, къ которому мы присоединились, или такъ называемый караванъ-башъ, былъ опытный, уже престарѣлый бухарецъ, прекрасно знакомый съ путемъ нашего слѣдованія. Но онъ былъ вообще молчаливъ, и мы не могли ничего узнать отъ него объ эмирѣ и о жизни въ Бухарѣ. Гораздо словоохотливѣе оказался русскій приказчикъ одного изъ торговцевъ города Троицка, сопровождавшій этотъ караванъ. Къ сожалѣнію, всѣ мы очень мало знакомы съ русскимъ языкомъ, а потому понимали не все, что онъ передавалъ намъ. Изъ его словъ мы, однако, поняли, что бухарцы хотя и не воинственный, а болѣе торговый народъ, все-таки очень грубы и при случаѣ жестоки и злы. Такъ, напримѣръ, онъ намъ передавалъ, что когда какой либо торговецъ очень разбогатѣетъ, то эмиръ требуетъ, чтобы онъ отдалъ ему всѣ свои деньги, а ежели онъ на это не соглашается, то его хватаютъ, завязываютъ ему глаза и потомъ бросаютъ съ высоты минарета мечети. Смертная казнь тоже происходитъ при ужасныхъ условіяхъ въ Бухарѣ. Преступниковъ, осужденныхъ на смерть, привозятъ на базаръ связанными, какъ барановъ. Сначала перерѣжутъ всѣхъ барановъ, а потомъ этими же ножами рѣжутъ горло преступникамъ.

«По прибытіи въ Бухару, отдохнувъ нѣсколько дней отъ дороги, мы тотчасъ же дѣятельно принялись за устройство образцовой филатуры. Шелководство не процвѣтаетъ въ Бухарѣ, хотя климатическія условія здѣсь вполне благопріятны для разведенія шелковичнаго червя.

«Насколько бухарцы малоопытны въ выхаживаніи коконовъ, можно судить уже потому, что женщины въ эпоху развитія шелковичныхъ червей, носятъ ихъ между грудями, поддерживая въ нихъ такимъ примитивнымъ способомъ необходимую имъ высокую температуру. Когда устройство филатуры было нами окончено, мы принялись за разматываніе шелка и за выдѣлываніе ткани грубой и тонкой, указывая имъ различные способы и приемы, практикуемые при этомъ у насъ въ Италіи, и старались всячески заинтересовать этимъ дѣломъ бухарцевъ, дѣлая имъ надлежащія указанія, какъ слѣдуетъ работать, не перерывая нитки и не дѣлая узловъ. Но они качали головами и признавали нашу систему

слишкомъ сложною и неудовлетворяющею ихъ требованіямъ и вообще отнеслись недовѣрчиво ко всѣмъ нашимъ указаніямъ. Были, однако, и среди нихъ люди, которые насъ понимали и старались запомнить наши слова и спѣшили исполнить наши требованія по закупкѣ для насъ коконовъ, такъ какъ въ 1861 и 1862 годахъ у насъ въ Италіи появилась болѣзнь на шелковичнаго червя, и черезъ это наши филатуры пришли въ упадокъ. Послѣ представленія нашего эмиру Бухары дѣло наше пошло лучше, и мы почти уже стали надѣяться на счастливый исходъ предпринятой нами рискованной поѣздки. Въ свободное отъ занятій время мы при помощи бывшихъ при насъ фотографическихъ аппаратовъ стали фотографировать портреты приближенныхъ эмира и знатныхъ торговцевъ Бухары.

«Это занятіе очень понравилось бухарцамъ. Оно ихъ занимало и льстило ихъ самолюбію. Безъ всякихъ хлопотъ и затраты денегъ они имѣли свои портреты и портреты всѣхъ членовъ своей семьи. Желая сохранить на память о нашемъ путешествіи виды Бухары, мы сфотографировали дворецъ эмира, рыночную площадь и русскій караванъ, нагруженный при насъ хлопкомъ и сушеными фруктами. Снимки эти почему-то возбудили недовѣріе среди населенія Бухары, и на нашъ счетъ стали циркулировать въ народѣ неблагоприятные слухи. Говорили, что мы—англійскіе шпіоны, и что такъ точно, какъ Англія завоевала Индію, также теперь она собирается завоевать и Бухарское ханство. Слухи эти дошли до эмира, который приказалъ пріостановить наше дѣло въ Бухарѣ и учредить надъ нами строгій надзоръ.

«Тщетно одинъ изъ министровъ эмира, престарѣлый и опытный торговецъ, который не разъ бывалъ въ Оренбургѣ, и которому удавалось посѣщать русскіе рынки въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Москвѣ, старался разсѣять эту молву, защищая насъ передъ эмиромъ и объясняя ему цѣль нашей поѣздки, онъ не только не смогъ измѣнить рѣшеніе эмира, но даже самъ подвергся опалѣ. Его сочли за измѣнника, имущество его было конфисковано, и самъ онъ брошенъ въ тюрьму. Агитація противъ насъ росла съ каждымъ днемъ при бухарскомъ дворѣ, и наконецъ министры уговорили эмира подписать указъ о нашемъ арестѣ.

«Для приведенія въ исполненіе этого замысла бухарцы прибѣгли къ слѣдующей хитрости. Они просили насъ дать имъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ. Ничего не подозрѣвая, мы отобрали и передали имъ нѣсколько самыхъ удачныхъ экземпляровъ лицъ и видовъ Бухары. На другой день одинъ изъ министровъ эмира, въ сопровожденіи переодѣтой стражи, явился къ намъ въ то время, какъ мы обѣдали, и объявилъ, что эмиръ, убѣдившись въ томъ, что мы занимаемся фотографированіемъ и сниманіемъ плановъ Бухары, что строго воспрещается закономъ,

утвердился въ мысли, что мы—англійскіе шпіоны, и приказалъ насъ арестовать, какъ государственныхъ преступниковъ. Тотчасъ же фотографическіе аппараты были у насъ отобраны вмѣстѣ со всѣми къ нимъ принадлежностями и остававшимися у насъ снимками, и мы были посажены въ особую бухарскую тюрьму, именуемую клоповникомъ.

«Тюрьма наша представляла собою маленькій невымощенный дворъ, длиною не болѣе четырехъ аршинъ и шириною въ одну сажень, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими каменными стѣнами, сложенными изъ кирпича. Ни навѣса, ни крыши надъ этимъ дворомъ не было. Въ жаркіе дни солнце жгло нестерпимо, въ дождь вода лилась прямо на голову. Вотъ сюда-то черезъ узкую дверь втокнула насъ стража эмира и заперла за нами желѣзную дверь двумя большими желѣзными замками. Два раза въ день двери нашей тюрьмы открывались, и въ присутствіи стражи, стоявшей у дверей, входилъ къ намъ тюремщикъ, принося пищу и кувшинъ съ водой. Пища эта состояла изъ небольшой чашки варенаго рису и тарелки сушеныхъ фруктовъ: шепталы, кишмишу и ала-бухара. Для питья была въ кувшинѣ мутная вода, которой было далеко недостаточно, чтобы утолить троемъ жажду, и изъ которой мы удѣляли еще часть на умываніе лица и рукъ.

«Изъ нашихъ вещей намъ ничего не позволили взять съ собой, когда насъ заперли въ клоповникъ; только когда я заболѣлъ лихорадкою и не могъ спать на голой землѣ, то намъ позволили взять наши одѣяла и подушки, а нашихъ желѣзныхъ складныхъ кроватей намъ все-таки не выдали изъ опасенія, что мы можемъ выломать изъ нихъ желѣзныя перекладки и употребить ихъ, какъ орудія, чтобы сдѣлать проломъ въ стѣнѣ и совершить побѣгъ изъ тюрьмы. Пока стояла теплая погода, мы кое-какъ довольствовались отпускаемою намъ скудною пищею, но съ наступленіемъ холодовъ, сопровождавшихся дождями, положеніе наше стало очень тяжелымъ. Днемъ еще иногда проглядывало солнце, обогрѣвавшее насъ, но ночью сырость и холода давали себя чувствовать. Ко всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ присоединились еще мученія, испытываемыя ночью отъ укушеній клопами, которыхъ въ нашей тюрьмѣ были милліоны. Чтобы избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ, мучившихъ насъ нестерпимо, мы на день снимали съ себя бѣлье, вывѣшивали его на солнце, а насѣкомыхъ уничтожали всячески. Вскорѣ сырость, холодъ и плохой режимъ нашего заключенія повліяли неблагоприятно на наше здоровье. Всѣ мы переболѣли лихорадкою, и тутъ только тюремщики наши, видя, что мы лежимъ на голой землѣ, принесли намъ соломѣ и наши теплыя одѣяла. Но и съ этими постелями было не лучше, когда пошли продолжительные дожди, отъ которыхъ мы промокли насквозь, такъ какъ надъ нашей тюрьмой крыши не было. Только въ половинѣ зимы,

когда дожди шли попеременно со снѣгомъ, и когда случайно пришелъ къ намъ въ клоповникъ одинъ изъ министровъ эмира, намъ удалось упросить его, чтобы хотя одинъ уголъ нашей тюрьмы былъ накрытъ досками, и въ этомъ сухомъ уголку мы грѣлись и сушили по очереди.

«Нужно ли говорить о томъ, до чего безцѣльна и безотраднa была наша жизнь въ бухарской тюрьмѣ? Мы не имѣли при себѣ ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей, да если бы даже мы могли писать, чтобы извѣстить своихъ родныхъ и соотечественниковъ о своемъ печальномъ положеніи, то и тогда бы никто не согласился отправить нашу корреспонденцію, да и деньги при арестѣ были у насъ отобраны, такъ что мы не могли никого подкупить.

«Единственная книга, бывшая при насъ, было маленькое евангеліе въ шагреновомъ переплетѣ, которое я носилъ постоянно при себѣ и съ которымъ никогда не разставался. Мы читали изъ него ежедневно, каждый по одной главѣ, и молитва и твердая вѣра поддерживали насъ среди печальныхъ дней нашего тюремнаго заключенія. По вечерамъ, оставаясь впотѣмахъ и не будучи въ состояніи долго уснуть отъ холода и нестерпимыхъ укушеній клоповъ, мы поочередно рассказывали другъ другу эпизоды изъ нашего дѣтства и юности, или принимались пѣть молитвы и пѣсни нашей родины. Сверхъ нашихъ физическихъ мученій мы подвергались еще и особаго рода нравственнымъ пыткамъ и униженіямъ, сопровождавшимся истязаніями. Среди дня на стѣны нашей тюрьмы съ наружной стороны при помощи лѣстницъ и веревокъ влѣзали мальчики, дѣвочки и юноши. Забравшись на стѣну и устроившись на ней поудобнѣе, они начинали надъ нами смѣяться, показывали намъ языкъ, плевали на насъ, бросали въ насъ грязью и выливали намъ на голову помой и всякія нечистоты. Однимъ словомъ, они старались всячески насъ оскорбить, и это продолжалось изо дня въ день. Были даже взрослые молодые люди такіе злые и жестокіе, которые бросали намъ въ голову твердые предметы въ родѣ камней и кирпичей, и мы до того ожесточились, что ежели бы кто нибудь изъ нашихъ обидчиковъ свалился съ высокой стѣны и упалъ бы къ намъ въ тюрьму, то ему плохо бы пришлось. Но вотъ наступила уже и весна.

«Изъ насъ троихъ я оказался всѣхъ слабѣе здоровьемъ. Плохая пища, сырость тюрьмы, недостатокъ сна отъ нестерпимаго укушенія клопами и отсутствіе воды, чтобы мыться и принимать хоть изрѣдка ванну, все это повліяло на меня такъ сильно, что ко мнѣ привязалась перемежающаяся лихорадка, которая мучила меня черезъ день. Хотя по заявленію и настоятельной нашей просьбѣ тюремщикъ давалъ намъ въ достаточномъ количествѣ хининъ, который мы принимали по десяти гранъ въ день, но лѣкарство не приносило никакой пользы, такъ какъ главною причи-

ною болѣзни являлись неблагопріятныя гигиеническія условія, въ которыхъ мы находились, и измѣнить которыя было не въ нашей власти.

«Ко всѣмъ непріятностямъ нашего заключенія присоединилось еще судебное слѣдствіе, назначенное къ производству надъ нами, по приказанію эмира. Въ клоповникъ къ намъ былъ командированъ чиновникъ, который вмѣстѣ съ письмоводителемъ снималъ съ насъ допросъ и записывалъ наши показанія. Вопросы дѣлались по-русски письмоводителемъ, говорившимъ немного на этомъ языкѣ, но чиновникъ говорилъ съ нами по-татарски, объясняясь свободно на этомъ языкѣ. Хотя никто изъ свиты эмира не зналъ ни одного слова по-итальянски, но судьи наши потребовали отъ насъ бумаги, выданныя намъ изъ нашего посольства въ С.-Петербургѣ. Въ этихъ бумагахъ находился декретъ итальянскаго короля, разрѣшающій намъ поѣздку въ Бухару, и пропускъ русскаго правительства на поѣздку нашу въ Среднюю Азію для закупки коконовъ и для устройства образцовой филатеры въ самой Бухарѣ. Чиновникъ эмира, присланный къ намъ въ тюрьму для обслѣдованія нашего дѣла, оказался разорившимся коммерсантомъ, который по своимъ торговымъ дѣламъ бывалъ въ Петербургѣ и въ Одессѣ, имѣлъ знакомство съ англичанами и выучился немного англійскому языку. Онъ почему-то вообразилъ себѣ, что мы—переодѣтые англичане, выдающіе себя за итальянцевъ, и, просмотрѣвъ наши бумаги и не понявъ въ нихъ ровно ничего, былъ этимъ очень удивленъ и раздосадованъ и удовольствовался нашими показаніями, записанными частью по-русски, частью на мѣстномъ нарѣчій, къ которому мы уже успѣли прислушаться и на которомъ могли изъясняться. Послѣ снятаго съ насъ допроса съ насъ взяли подписку въ томъ, что мы не будемъ сообщать ни своему правительству, ни англійской королевѣ всего того, что намъ извѣстно о численности войскъ Бухары и о средствахъ ея къ оборонѣ на случай войны, а также о томъ, какъ эмиръ Бухары правитъ своей страной. Въ числѣ взведенныхъ на насъ обвиненій упоминалось, что мы дозволили себѣ неприличныя насмѣшки по адресу бухарской арміи. Поводомъ къ этому обвиненію послужило слѣдующее обстоятельство. Однажды, будучи еще на свободѣ, мы увидали, какъ обучаютъ бухарскихъ солдатъ строевой службѣ. Всѣ они стояли въ одну шеренгу, имѣя палки въ рукахъ вмѣсто ружей, и, стоя на мѣстѣ, поднимали подъ музыку то правую, то лѣвую ногу, но все это выходило у нихъ какъ-то неловко, и нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ равновѣсіе, падали, увлекая въ своемъ паденіи и товарищей. Обмундированіе ихъ состояло изъ куртокъ, обшитыхъ цвѣтною тесьмою, а обучающій былъ бѣглый русскій барабанщикъ, получавшій, какъ намъ говорили, хорошее жалованье. Музыка состояла въ томъ, что бухар-

цы ударили палками въ желѣзныя сковороды, а нѣкоторые били немилосердно по мѣднымъ тазамъ. Получалась невообразимая какофонія, и мы, смотря на эту картину, смѣялись отъ души и даже сняли фотографическій снимокъ съ этого войска.

«Но обращаюсь снова къ воспоминаніямъ о клоповникѣ. Лишенные свободы, свѣта и воздуха, мы задыхались въ своей ужасной тюрьмѣ. Скучная пища, которую намъ давали, не была въ состояніи поддерживать наши силы. По счастью, одному изъ насъ удалось пронести въ тюрьму бутылъ съ водкой, и вотъ мы ежедневно передъ обѣдомъ выпивали по маленькой рюмочкѣ спирту. Но наконецъ бутылъ эта, хранившаяся у насъ подъ видомъ лѣкарства и зарытая въ землю въ самомъ темномъ углу тюрьмы, стала опустошаться, и мы должны были довольствоваться нѣсколькими каплями спирта, выпиваемаго съ чайной ложки. Однажды утромъ, когда мы только что прочли главу изъ евангелія отъ Іоанна о появленіи Христа среди учениковъ Его на берегу моря и о послѣдовавшемъ за тѣмъ чудномъ ловѣ рыбы, около тюрьмы нашей послышался шумъ и говоръ, и вслѣдъ затѣмъ дверь ея съ шумомъ отворилась, и въ клоповникъ нашъ вошелъ первый министръ эмира въ сопровожденіи стражи и толпы любопытныхъ обоого пола и приказалъ намъ тотчасъ слѣдовать за нимъ.

«Въ первую минуту при появленіи этихъ неожиданныхъ гостей мы нѣсколько встревожились, ожидая себѣ какихъ нибудь новыхъ бѣдствій, но положеніе наше было до того тяжелое и нестерпимое, что мы были готовы на все, лишь бы выйти изъ этого отвратительнаго клоповника. Выйди изъ своей тюрьмы, мы впервые вдохнули въ себя струю чистаго воздуха. Стояла чудная погода. Хотя солнце было уже высоко, и жара уже давала себя чувствовать, но возможность двигаться придавала намъ крылья, хотя, потерявъ привычку ходить, мы шли, какъ пьяные, качаясь изъ стороны въ сторону, и едва мы успѣли дойти до дворца эмира, какъ вдругъ я почувствовалъ себя дурно и упалъ въ обморокъ. Когда я пришелъ въ себя, то увидалъ, что около меня суетились Меацъ и графъ Литта, спрыскивая меня водою и стараясь всячески привести въ чувство. Я выпилъ нѣсколько глотковъ воды и съ трудомъ сѣлъ на подушку, лежавшую около меня.

«Не выходя изъ дворца эмира, намъ объявили, что мы свободны, при чемъ намъ были возвращены наши деньги за удержаніемъ изъ нихъ большей половины за продовольствіе наше въ клоповникѣ, состоявшее, какъ я уже говорилъ, изъ варенаго рису и сушеныхъ фруктовъ, отпускаемыхъ намъ разъ въ сутки въ очень маломъ количествѣ. Вещи наши были намъ только частью возвращены. Болѣе половины ихъ пропало. При этомъ взята была съ насъ подписка, что мы остаемся всеѣмъ довольны, и что

деньги и вещи возвращены намъ сполна. Такъ окончилось наше одиннадцатимѣсячное заключеніе въ бухарскомъ клоповникѣ. Свободѣ нашей мы обязаны были оренбургскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту А. П. Безаку.

«Возблагодаривъ Господа Бога горячею молитвою за свое спасеніе, мы въ тотъ же день выѣхали изъ Бухары съ тощимъ багажемъ, уцѣлѣвшимъ у насъ по выходѣ изъ клоповника».

Жакмонъ.

